ТЕАТР ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

«ВСЕ ДНИ ЗАНЯТЫ»

В КАБИНЕТЕ директора Анатолия Андреевича Колеватова непрерывно звонит телефон. Директор, шумный, темпераментный, несдержанный, успевает одновременно отвечать на звонки и на мои вопросы.

— Нет ни одной свободной ставки. У меня даже тот парень... Как его? В очках, что Марата репетирует, еще без зарплаты...

— Для комсомольского актива? Сколько билетов? Сто? Многовато. Ну, ладно. Приняте вашу заявку.

— За под (это уже мне) выпустили пять новых спектаклей вместо четырех по плану. Осенью съездили в Таллин, Вильнюс и Вологду. Аншлаги, великолепные рецензии. Почетные грамоты Верховных Советов республик. А теперь — вот...

Свободной от трубки рукой Анатолий Андреевич порылся в ящике стола и протянул мне длинный, словно свиток папируса, лист бумаги: расписание репетиций и спектаклей на завтра.

«Кабинет главрежа. «Чайка». Постановщик Эфрос... Гримерная № 7. «Иван Гаврилович Борякин». Постановщик Гиацинтова...»...

— Кроме того, — добавляет директор, — новые спектакли репетируют С. Штейн и Ф. Берман. А молодой режиссер Геннадий Ялович готовит новый состав «Марата». Это не вводы, а так сказать, новый вариант спектакля... В ближайших планах — героическая драма Принцева «Девятая симфония» — о Николае Островском.

Снова звонит телефон:

— Тарификация? Да, списки утвердили.

— Из управления культуры, — поясняет Анатолий Андреевич. — Только что закончилась тарификация. Многим нашим актерам повысили зарплату.

Есть ли пополнение в труппе? А как же! Из Московского драматического театра к нам перешел Валентин Гафт. Он уже сыграл с успехом Евдокимова в «104 страницах». Привыкли трех выпускников училища имени Щукина — Ларису Чекулову, Светлану Савелову и Валентина Скиринского...

И снова звонит телефон:

— Выезжай спектакль? Только на март. В феврале все дни уже заняты...

Е. САЙФУЛИН.

С. В. Гиацинтова и А. В. Эфрос на встрече с героями стройки Абакан—Тайшет.

Николай КАШИРИН, артист, секретарь комитета ВЛКСМ

— Мы часто встречаемся с молодежью. Приглашают на заводы, в институты, посещение клубы. Связи с комсомольскими организациями будут расширяться и крепнуть. Поэтому для таких вот дружеских встреч, а может быть, для предстоящих поездок на комсомольские стройки, мы решили самостоятельно подготовить концертную программу. Очень хотим сделать молодежи поставить пьесу, посвященную острым проблемам воспитания молодежи.

Думает комитет ВЛКСМ и о творческой учебе молодых актеров, в расширении их кругозора. В ближайших планах — встреча с народным артистом СССР Н. П. Акимовым, беседа Софьи Владимировны Гиацинтовой о мировоззрении художника. Эд. Радзинский расскажет о своей поездке в Америку.

Большим событием для нас будет творческий отчет перед комсомольским активом нашего Свердловского района.

Обычно, и в жизни и на сцене, Александр Ширвиндт обаятелен, остроумен и красив. Посмотрите же на другого Ширвиндта («Что тот солдат, что этот»).

НАЧАЛО ДРУЖБЫ

Они вроде бы ничем не отличались от обыкновенных зрителей. Новые костюмы. Модные галстуки. Только вот на лацканах пиджаков — одинаковые значки «За активную работу в комсомоле» и еще одинаковые с изображением локомотива на голубом фоне. А когда начался спектакль «104 страницы про любовь», на их лицах появилось выражение сосредоточенности и счастливого удивления. Эти ребята — строители магистрали Абакан—Тайшет, лучшие из лучших. Они приехали из тайги. И очень давно не были в театре.

Потом вместе со всеми они дружно аплодировали Яковлевой и Гафту, а когда аплодисменты, наконец, стихли, вместе с актерами и руководителями театра уселись за столики в фойе. Сначала слегка стеснялись: шутки ли — рядом с тобой сидит знаменитый Леонид Харитонов! Но очень быстро освоились, и потекла беседа, начались расспросы, жаркие, заинтересованные — с обеих сторон.

Понравился им спектакль? Очень. Нужна ли эта тема — про любовь — им, молодым строителям? Еще как! Тут в многом подумать надо... Рассказывают о своей легендарной стройке. О производных Комсомольске и Стофато, которые не вернулись из тайги. О девичьих косах, прихваченных к стенам палатки. О неслыханных рекордах и крепкой дружбе... Встают со своих мест и говорят, обращаясь к актерам, сердечные, искренние слова. Внимательно слушают взволнованные выступления Леонида Харитонова, Александра Ширвиндта, Валентина Гафта, Софьи Владимировны Гиацинтовой.

И в заключение:

— Приезжайте к нам! Обязательно приезжайте. У нас тут, в тайге, тоже есть актеры, такие люди, такие сюжеты...

Анатолий Андреевич Колеватов отвечает добровольцам:

— Приедем.

Анатолий ЭФРОС

репетирует...

В БОЛЬШОЙ комнате, примыкающей к кабинету главрежа, — ширмы, подмостки, рояль. Посередине — принятные скамейки (в табуретках прибиты доски), сбоку — длинный стол и стулья. А у батареи — трость.

Входят актеры. Разговаривают. Смеются. Как-то незаметно появился Анатолий Васильевич Эфрос. В малиновом свитере. В белоснежной рубашке с расстегнутым воротом. Начали передвигать скамейки. Эфрос подошел к батарее. Примерился и выбрал удобное место. Теперь он — наблюдатель. А на скамейку в выгородке уже уселись Маша и Медведенко — Дмитрина и Дуров. Репетиция «Чайки» началась...

Она продолжалась больше двух часов. За это время Эфрос на только ни разу не присел — ни разу не остановился. Предельно увлеченный происходящим, он все время в напряжении. То как рефери на боксерском ринге,— внимательно следит за каждым движением партнеров. То — будто школьный учитель в классе, где есть и двоечники. То — дирижер, сильной волне которого подчиняется оркестр. И трость уже не трость, а дирижерская палочка. Или незл. Указка Шнага.

Показывает? Объясняет? Да. Но прежде всего сопереживает. Он прожил и пережил вместе с каждым персонажем — от Треплева до работника Антона — весь первый акт «Чайки», каждое мгновение их сценической жизни.

Говорят, режиссер — зеркало для актера. Верно. Но лицо Эфроса — особенное зеркало. Оно не просто отражает, но и корректирует. Чуть вернее. Чуть тоньше. Актер смотрит в это «зеркало» и, как модница локон, поправляет интонацию, слегка меняет ударение, уточняет жест. И в постепенно забываю, что передо мной хорошо знакомые актеры — Фадеева, Вовси, Соловьев, Пелевин, Всеволодов, Ширвиндт, Яковлева. Что все они без грима и костюмов. И узнаю тоже давно знакомых — Аркадину и Сорина, Шамраева и Григорина, Дорна и Нину. Узнаю и... не узнаю. Они как-то не такие. Непривычные. Не чеховские. А я чем? — страшнее себя. Ведь в общении друг с другом, в мыслях, в интонациях — правда. Она есть, ощущается, чувствуется, но уже не здесь — правда. Так почему же как Чехов?.. Но додумать просто некогда. Происходящее так, в выгородке, властно приковывает внимание.

АРКАДИНА (читает из «Гамлета»). «Мой сын! Ты он обратил мне вторгь души, и я увидела ее в таких кровавых, в таких смертельных язвах — нет спасенья!».

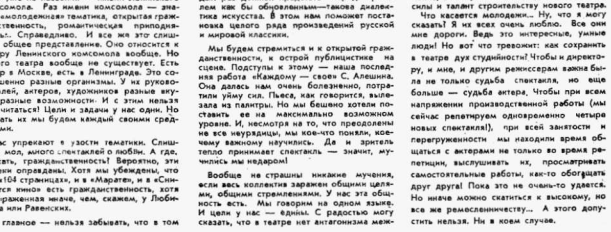
ЭФРОС. Зачем Аркадина цитирует «Гамлета»? Вы думаете, хочет показать, что тоже актриса и декламировать умеет? Нет! Она говорит сыну: равняйся на Шекспира! Смотри, чтобы у тебя было не хуже!

Замечаю, что и актеры, не занятые в эпизоде, смотрят во все глаза и тоже наслаждаются, как зрители. Наслаждаются остротой режиссерской мысли, неожиданностью сравнений. Подъемом, вдохновением, полной самоотдачей, с которым Эфрос ведет репетицию. Актеры не испытывают ощущения унизительного бессилия, как бывает нередко на репетициях даже именитых режиссеров. А есть праздничная атмосфера увлекательного сотворчества.

И я подумал: какая в сущности обидная формула — режиссер умирает в актере. И как мало, что зрители видят режиссера лишь расскланивающимся на премьере. А не в момент вдохновенного созидания...

А. ЭФРОС.

А. ПЕЛЕВИН.
Дружеский шарж худ. В. ЧУЖАКОВА.



Е. ФАДЕЕВА.

Все признали, что Леонид Харитонов играет милых мальчиков. Но вот совсем другой Харитонов — царь Федор Иоаннович из одноименной трагедии А. Толстого. Этот снимок сделан на творческом вечере Л. Харитонова в ЦДЛ.

Фото А. ГЛАДШТЕЙНА.

Полонина Льва Круглого.
Фото И. АГАФОНОВА.

Л. Дуров и Н. Гошева в спектакле «Что тот солдат, что этот» Б. Брехта.

...и рассказывает

ЗНАЕТЕ, что больше всего меня тревожит? Несоответствие между явлениями, замыслами и реальными возможностями. Вот я задумал «Чайку». Хочется скорее осуществить — и дальше, дальше! Надо успеть так много... Но создание спектакля — дело долгое. В процессе работы появляются новые замыслы, новые планы, и с ужасом думаешь: когда же я все это успею?!

Давно уже нравится «Мольер» Булгакова. Великолепная пьеса! И как обидно, что нельзя приняться за нее сегодня, сейчас... В Праге недавно смотрел «Ромео и Джульетту». И снова думал: как хорошо и современно! Ну, а мы? Опоздали, чехи сделали раньше! Каждое явление в искусстве — будь то новый питоговский фильм или спектакль Любимова — вызывает желание посмотреть, посоревноваться, решить ту же задачу по-своему. Не хуже!..

Рассказать о замысле «Чайки»? Пожалуйста.

Главное, наверное, вот что: мы ставим «Чайку», как современную пьесу. Вот именно среди нас большой писатель Антон Павлович Чехов. Он принес в наш театр свою новую пьесу «Чайка». Написал ее, заметьте, специально для нашего театра, имея в виду определенных актеров. Скажем, Федееву, Пелевина, Яковлеву, Смирнитского. И будешь бы мы ставим «Чайку» первыми и вообще впервые! Без привычных штампов лирического «лаузгого» спектакля. Без многочисленных наслоений очевидцев. Действенно. Активно. Вот считалось раньше, что «ключ к «Чайке» в том, что ее персонажи потеряли общение друг с другом. Каждый сам по себе. И отсюда — взаимное непонимание. А я нашел спектакль будет обращен. Правильно. Резкое. И вот в чем драма — люди общаются, а все равно понять друг друга не могут!

Другой театр пусть ставит «Чайку» по-другому. А мы — только так. И не иначе. Вообще в идеале все театры должны быть разными, уникальными. Пусть зритель точно знает особенности каждого. Пусть он идет смотреть спектакль именно этого режиссера, именно этих актеров! Свое лицо. Свой метод — вот чего не хватает многим театрам.

Что касается нашего театра, то мы стремимся, чтобы он был единственным и неповторимым. Говорят, что специфика выявляет уже из названия — «имени Ленинского комсомола». Раз «имени комсомола» — значит, молодежная тематика, открытая гражданственность, романтическая приподнятость. Справедливо. И все же это слишком общее представление. Оно относится к театру Ленинского комсомола вообще. Но такого театра вообще не существует. Есть театр в Москве, есть в Ленинграде. Это совершенно разные организмы. У их руководителей, актеров, художников разные вкусы, разные возможности. И с этим нельзя не считаться! Цели и задачи у нас один. Но решать их мы будем каждый своими средствами.

Нас упрекают в узости тематики. Слишком, мол, много спектаклей о любви. А где, десять, гражданственность? Вероятно, эти упреки оправданы. Хотя мы убеждены, что и в «104 страницах», и в «Марате», и в «Спиваете» много есть гражданственность, хотя и выраженная иначе, чем, скажем, у Любимова или Равенских.

А главное — нельзя забывать, что в том монологе, который мы собираемся сказать, произнесена только первая фраза. Самое страшное — повторять самих себя. Непрерывное расширение возможностей, продолжение поисков — не мыслю себе иной жизни. Оставаясь самим собой, театр каждый раз должен предстать перед зрителем как бы обновленным — такова диалектика искусства. В этом нам поможет постановка целого ряда произведений русской и мировой литературы.

Мы будем стремиться и к открытой гражданственности, к острой публицистике на сцене. Подступы к этому — наша последняя работа «Каждому — свое» С. Алешина. Она далась нам очень болезненно, потратил уйму сил. Пьеса, как говорится, вызвала на баррикады. Но мы бешено хотели поставить ее на максимально возможном уровне. И, несмотря на то, что преодолевы не все неурядицы, мы все-что поняли, кое-чему важному научились. Да и зритель тепло принимает спектакль — значит, мучились мы недаром!

Вообще не страшны никакие мучения, если весь коллектив заражен общими целями, общими стремлениями. У нас эта общность есть. Мы говорим на одном языке. И цели у нас — едины. С радостью могу сказать, что в театре нет антагонизма между мастерами, ветеранами, у которых большой опыт, большие заслуги, и молодежью. Молодежь ценит и любит Гиацинтову, Фадееву, Соловьева, Вовси, Пелевина и все остальные не только за прошлые заслуги, но прежде всего за ту искренность и увлеченность, с которыми они сегодня отдают свои силы и талант строительству нового театра.

Что касается молодежи... Ну, что я могу сказать? Я их всех очень люблю. Все они мне дороги. Ведь это интересные, умные люди! Но вот что тревожит: как сохранить в театре дух студийности? Чтобы и директору, и мне, и другим режиссерам важно было не только судьба спектакля, но еще и судьба актера, чтобы при всем напряжении производственной работы (мы готовим репертуар одновременно четыре новых спектакля!), при всей занятости и перегруженности мы находили время общаться с актерами не только во время репетиции, выслушивать их, проявлять самостоятельные работы, как-то обогащать друг друга! Пока это не очень-то удается. Но иначе можно скатиться к высокому, но все же ремесленничеству... А этого допустить нельзя. Ни в коем случае.

ГЛАВНОЕ — ВПЕРЕДИ

И последний вечер в театре. На этот раз я не иду за кулисы, не плутаю в закоулках между декорациями, а просто занимаю свое место в партере зала. Сегодня премьера: С. Алешин. «Каждому — свое». Героическая драма в двух действиях. Постановки А. Эфроса и Л. Дурова.

...Снова поиск — на главном направлении. Снова преодоления и борьба. Со схематизмом и несовершенством. С давней рутиной и примитивными штампами («если» фашист — значит, дурак). А этот спектакль — без дурачков. Добрых. Об очень важном. О войне. О фашизме. О безымянных героях. О цене победы. И об ответственности живых перед павшими.

Нет, это еще не трагедия. Только набросок, эскиз — большого не позволяли рамки пьесы. И многие актерские работы тоже напоминают эскизы для будущих масштабных полотен. Но зато какие выразительные, впечатляющие эскизы!

А. Дмитриева — Эльза. Совсем короткий эпизод. Но за три-четыре минуты сценического времени пройдет перед нами жизнь женщины. Предельно опустошенной. Убитой, загубленной бессмысленной войной.

А. Ширвиндт — Гудерман. Умный. Жестокий. Много понимающий, но намертво привязанный к фашизму, и потому, при всей своей силе, беспомощный.

Выразительны и точны А. Вовси — гид, Л. Пелевин — профессор, М. Державин и Б. Гаршин — эсэсовцы. Лирическая альтовая. Достойно вышел из поединка с очень трудным драматургическим материалом Г. Сайфулин — танкист...

Об этом спектакле еще напишут. Мне же важно сказать, что он помог утвердиться в главном:

Театр — в большом поиске.

Б. ЕВСЕЕВ

Короткие монологи

С. В. ГИАЦИНТОВА, народная артистка СССР

— Большое внимание проекта на меня недавная встреча с молодыми строителями магистрали Абакан—Тайшет. Это мужественные, целеустремленные люди. И как радостно, что они поняли и приняли наше искусство, им оказались близкими наши творческие принципы и поиски, что они с глубоким уважением относятся к нелегкому труду актера.

Такие зрители достойны самого высокого, самого вдохновенного творчества. Они многого ждут от нас, и наш долг — оправдать их ожидания.

А. Г. ВОВСИ, народный артист РСФСР

— Я на сцене сорок лет. Казалось бы, переучиваться поздно. А я делаю это. И с огромной радостью.

Вот сейчас репетирую Сорина в «Чайке». Много я на своем веку переиграл «Чаек». Но такой еще не было. Работать невероятно трудно. Ведь тут не сыграешь, как бывало, за выдающей характеристикою, за нехитрыми приспособлениями. Надо остаться самим собой. И в то же время стать Сориным... Подумать только: репетирую Треплева в «Чайке», которую ставит Эфрос!

О работе в кино? После фильма «Двое» снялся еще в двух картинах— А теперь — хватит. Никаких съемок. Только в театре!

Е. ФАДЕЕВА, заслуженная артистка РСФСР

— Мне часто приходилось играть в пьесах о строителях. Но такой, как сейчас, не помню. Сегодня — в зрительном зале — сидят мои герои. Мне хотелось бы сыграть Аркадину так, чтобы они увидели в ней свою мечту о прекрасном, свою мечту о том, что должно быть в человеке. Чтобы они увидели в ней